

УЎК (УДК, UDC): 808.8 – 541.2
DOI: 10.36078/1575464998

ИМПЛИКАЦИЯ СЕМАНТИЧЕСКИХ РОЛЕЙ КАУЗАТОРА И ЭКСПЕРИЕНТА В ВЫСКАЗЫВАНИЯХ С ЭМОТИВНЫМИ ГЛАГОЛАМИ РУССКОГО ЯЗЫКА

Ольга Алексеевна КУКАТОВА

Кандидат филологических наук, доцент
Кафедра русской филологии
Факультет зарубежной филологии
Национальный университет Узбекистана
имени Мирзо Улугбека
Ташкент, Узбекистан
kukatova.olga@mail.ru

Аннотация

Статья посвящена различным способам импликации обязательных семантических ролей Каузатора и Эксперientа в высказываниях, содержащих эмотивные глаголы современного русского языка типа *волноваться, тревожиться, беспокоиться, раздражаться, пугаться, страшиться, ужасаться*. Случаи импликации обусловлены как коммуникативно-прагматическим устройством высказывания, типом и характером имплицитной информации и фокусом внимания говорящего, так и процессами семантической деривации.

Импликация семантической роли Каузатора в высказываниях с возвратными эмотивными глаголами обусловлена 1) коммуникативно-прагматическим устройством высказывания, а именно: типом и характером имплицитной информации и фокусом внимания говорящего; 2) процессами семантической деривации. Коммуникативно-прагматическое устройство высказывания предопределяет тип и характер имплицитной информации, наличие которой высвечивает роль говорящего/слушающего и невыраженность Каузатора в высказываниях с исследуемыми глаголами. Семантическая деривация предполагает употребление глагола в значении 'имитация эмоционального состояния'.

Импликация семантической роли Эксперientа имеет место реже, чем импликация семантической роли Каузатора, и обусловлена фокусом внимания говорящего.

Ключевые слова: импликация; семантическая роль; Каузатор; Эксперient; эмотивный глагол.

РУС ТИЛИДАГИ ЭМОТИВ ФЕЪЛЛАР ИФОДАСИДА КАУЗАТОР ВА ЭКСПЕРИЕНТ СЕМАНТИК РОЛЛАРИНИНГ ИМПЛИКАЦИЯСИ

Ольга Алексеевна КУКАТОВА

Филология фанлари номзоди, доцент
Рус филологияси кафедраси
Хорижий филология факультети
Мирзо Улугбекномидаги
Ўзбекистонмиллий университети
Тошкент, Ўзбекистон

kukatova.olga@mail.ru

Аннотация

Мақола замонавий рус тилидаги *хавотирланмоқ, безовталанмоқ, ташишилланмоқ, хавотирга тушмоқ, қўрқитмоқ, даҳшатга тушмоқ (волноваться, тревожиться, беспокоиться, раздражаться, пугаться, страшиться, ужасаться)* каби эмотив феъллар ифодасида Каузатор ва Экспериментнинг асосий семантик роллари импликациясининг турли усуллари йўналишига бағишланган. Импликация ходисалари фикрни ифодалашнинг коммуникатив-прагматик тузилиши, имплицит маълумотнинг тури ва характери, сўзлаётган киши эътиборидаги фокуси каби семантик деривация жараёнига ҳам боғлиқ.

Импликация семантической роли Каузатора в высказываниях с возвратными эмотивными глаголами обусловлена 1) коммуникативно-прагматическим устройством высказывания, а именно: типом и характером имплицитной информации и фокусом внимания говорящего; 2) процессами семантической деривации. Коммуникативно-прагматическое устройство высказывания предопределяет тип и характер имплицитной информации, наличие которой высвечивает роль говорящего/слушающего и невыраженность Каузатора в высказываниях с исследуемыми глаголами. Семантическая деривация предполагает употребление глагола в значении 'имитация эмоционального состояния'.

Эмотив феълларининг конверсив жуфтликдаги ифодасида Каузатор семантик ролининг импликацияси 1) ифоданинг коммуникатив-прагматик тузилиши, айнан: имплицит маълумот тури ва характерининг сўзловчи диққат марказида бўлиши; 2) семантик деривацияси жараёнлари билан боғлиқ. Фикр ифодасининг коммуникатив-прагматик курилиши имплицит ахборотнинг тури ва характерини олдиндан аниқлаб беради, зеро унинг мавжудлиги тадқиқ этилаётган феъллар ёрдамида ифодаларда сўзловчи/тингловчининг ролини ҳамда Каузаторнинг таъсири йўқлигини кўрсатади. семантик деривацияси жараёни имплицит маълумот тури характерини аниқлаб беради, бу эса, сўзловчи ва тингловчи томонидан қўлланилаётган феъллар ифодасида Каузаторнинг таъсири йўқлигини кўрсатади. Семантик деривация феълларни “эмоционал ҳолат имитацияси” маъносида қўллашни назарда тутади.

Эксперимент семантик ролининг импликацияси Каузатор семантик роли импликациясига қараганда кам учрайди ва бу сўзловчи диққат-эътиборининг фокуси билан боғлиқдир.

Калит сўзлар: импликация; семантик рол; Каузатор; Эксперимент; эмотив феъл.

IMPLICATION OF SEMANTIC ROLES OF CAUSATOR AND EXPERIMENT IN STATEMENTS WITH OF EMOTIVE VERBS OF THE RUSSIAN LANGUAGE

Olga Alekseevna KUKATOVA

Associate Professor

Faculty of Foreign Philology

National University of Uzbekistan named after Mirzo Ulughbek

Tashkent, Uzbekistan

kukatova.olga@mail.ru

Abstract

The article is devoted to various ways of implication of obligatory semantic roles of the Causer and Experiment in statements containing of emotive verbs of the modern Russian language such as *волноваться, тревожиться, беспокоиться, раздражаться, пугаться, страшиться, ужасаться*. The cases of implication are determined by the communicative-pragmatic structure of the utterance, the type and nature of implicit information and the focus of the speaker's attention, as well as by the processes of semantic derivation.

The implication of the semantic role of the Causator in utterances with reflexive emotive verbs is due to 1) a communicative-pragmatic device of utterance, namely: the type and nature of implicit information and the speaker's focus of attention; 2) processes of semantic derivation. The communicative-pragmatic structure of the statement determines the type and nature of implicit information, the presence of which highlights the role of the speaker / listener and the inexpressibility of the cause in statements with the verbs is being studied. An important component of the communicative-pragmatic device of utterance is the speaker's focus of attention, the direction of which can be different. The process of semantic derivation determines the use of the verb in the meaning of 'imitation of the emotional state'.

The implication of the semantic role of the experiment is less frequent than the implication of the semantic role of Causator, and is due to the focus of the speaker's attention. Under an implicit experiment, the speaker's attention is focused on the semantic role of Causator.

Keywords: the implication; semantic role; Causator; Experiment; emotive verb.

Введение

В лингвистике термин импликация употребляется в значении подразумевания, трактуемого как фоновые знания коммуникантов о предшествующей ситуации, пресуппозиция, грамматическая неполнота предложения, эллипсис, подтекст, текстовая импликация¹.

Как отмечает И. В. Арнольд, указанные типы имплицитной информации имеют дифференциальные признаки, при определении которых значимым оказывается решение следующих вопросов: 1) является ли имплицитная информация структурным или семантическим явлением; 2) каков объем и «референтная отнесенность» имплицитной информации; 3) каковы варианты толкования имплицитной информации; 4) имеет ли место новая информация; 5) возможны ли трансформации имплицитных структур в эксплицитные; 6) какова взаимосвязь типа имплицитной информации и синтаксической конструкции, согласно которой элиминированный компонент в неполном или эллиптическом предложении может быть восстановлен (1).

По 1-му признаку — структурное / семантическое явление — разграничиваются, с одной стороны, грамматическая неполнота предложения и эллипсис как структурные явления, с другой стороны, пресуппозиция, фоновые знания как явления семантические (см., например, 5, 61, 64; 10, 133).

¹ См. об этом подробнее в работах, посвященных изучению типов имплицитной информации (7, 168; 3, 52; 18, 373; 9, 206; 2, 5, а также 16, 232–243; 17, 396; 14, 236). Выявление и разграничение различных видов имплицитной информации связано с проблемами, актуальными в современной лингвистике. Это такие проблемы, как 1) стратификация семантики, включающая в себя «два аспекта: а) системно-категориальный (семантическая категория, предикатно-аргументная структура) и б) речевой (импликации и пресуппозиции)» (4, 51–63.); 2) соотношение глубинной и поверхностной структур высказывания (21). Выражение имплицитного в языке связано с законом экономии языковых средств, являясь языковой универсалией (13), а также с такой закономерностью в естественном языке, как асимметрия плана содержания и плана выражения. Имплицитные (элиминируемые) компоненты собственно и возникают в результате подобной асимметрии (8;12). Об элиминировании компонентов в словосочетании и эллиптическом предложении смотрите работы Н. С. Власовой, И. Ф. Вардуль, Е. А. Земской, М. В. Китайгородской, Е. Н. Шириева. Эллиптические предложения отличаются наличием одного или нескольких вербально невыраженных компонентов смысла, которые восстанавливаются согласно конситуации (6; 5, 64; 11, 192–193).

С точки зрения объема имплицитной информации и ее референтной соотнесенности эллипсис ограничен высказыванием (или несколькими высказываниями), но не текстом целого произведения (1, 87), грамматическая неполнота — рамками предложения, текстовая импликация — микроконтекстом (эпизодом, формально абзацем), а подтекст реализуется в макроконтексте. При этом только подтекст референтно соотносится с текстом в целом (Там же:85). Между тем пресуппозиция, фоновые знания могут иметь самый различный объем имплицитной информации (подробнее см., например, 22, 399).

Вариативностью толкования отличаются текстовая импликация, подтекст, пресуппозиция, фоновые знания. Что касается эллипсиса, то существует два мнения: первое мнение принадлежит И.В. Арнольд, согласно которому эллипсис восстанавливается почти всегда однозначно, следовательно, ему не свойственна вариативность толкования (1, 86). Однако Э.Н. Плеухина справедливо замечает, что «эллипсис далеко не во всех случаях восстанавливается однозначно», а другие виды подразумевания «не всегда вариативны в своей интерпретации, что подтверждается примером *любишь кататься — люби и саночки возить*, в котором отношения условия имплицитируются совсем не двусмысленно» (19, 111). Грамматической же неполноте данный признак не присущ.

С точки зрения содержания новой информации подтекст и текстовая импликация рематичны, в противоположность им пресуппозиция и фоновые знания не несут новой информации (1, 87).

Если рассматривать имплицитные высказывания с точки зрения возможности трансформации их в эксплицитные, то трансформации могут быть подвергнуты только эллиптические предложения, а такие виды подразумевания, как пресуппозиция и фоновые знания, не предполагают возможности трансформировать имплицитное высказывание в эксплицитное, так как они не связаны с «незамещенными позициями» (см., например, 20, 116).

Что же касается взаимосвязи типа имплицитной информации и синтаксической конструкции, то она имеет место только в случае грамматической неполноты и эллипсиса.

Цель исследования — выявить различные способы имплицитирования семантических ролей актантов эмотивных глаголов русского языка (возвратных и переходных).

Возвратные эмотивные глаголы имеют по два обязательных актанта: Эксперимент (субъект эмоционального состояния) выражается формой винительного падежа; Каузатор — актант, называющий причину данного эмоционального состояния, — формой именительного падежа. Например: *Поведение (Каузатор) брата удивляет (тревожит, поражает) меня (Эксперимент)*. Семантическая роль Каузатора интерпретируется как некоторое событие, ставшее причиной определённого положения дел. Этим Каузатор

отличается от семантической роли Экспериента. Свойство Каузатора обозначать пропозицию имеет место не только в случае выражения его инфинитивом, отглагольным или отадъективным именем, но и конкретным существительным, получающим событийное прочтение. Это находит подтверждение в возможности развернуть правосторонний актант возвратного эмотивного глагола в пропозицию (так называемый сентенциальный актант). Например: *Он волнуется, что брат может вернуться поздно / когда брат возвращается поздно/если брат возвращается поздно*. Что касается конструкций с переходным глаголом, то они либо невозможны **Когда брат возвращается поздно / если брат возвращается поздно, волнует его*, либо их поверхностно-синтаксическая структура не идентична конструкции с возвратным глаголом.

Основная часть

Импликация синтаксического актанта в высказываниях с предикатами, выраженными конверсивными парами эмотивных глаголов русского языка, представляет собой структурно-семантическое явление, поскольку в поверхностно-синтаксической структуре отсутствует тот или иной актант, соотносимый с участником внеязыковой ситуации. Несмотря на то, что одна из семантических ролей остается невыраженной, свойство обязательности семантической роли позволяет правильно понимать высказывание. Имплицированная информация, заключенная в данных высказываниях, предполагает варианты толкования, содержит новую информацию, предопределена характером синтаксической конструкции. Например: *Я вот боялась, боялась, пришла сдавать вроде как на второй курс, а они меня сразу на четвертый* (из разг. речи), где в поверхностно-синтаксической структуре высказывания отражена импликация семантической роли Каузатора, которая соотносится с какой-либо причиной во внеязыковой действительности, предполагает несколько вариантов толкований типа: ‘абитуриент обычно боится, что не поступит’, что ‘достанется сложный или незнакомый билет’, ‘что не сможет сконцентрировать свое внимание в нужный момент’ и т.д., содержит новую информацию, связанную с измененным фокусом внимания говорящего, а именно: в фокусе внимания находится не Каузатор-Причина, а само эмоциональное состояние. Что же касается взаимосвязи типа имплицитной информации и синтаксической конструкции, то в данном примере имплицитная информация не может быть восстановлена однозначно, поскольку представляет собой скорее фоновые знания.

В высказываниях с предикатами, выраженными конверсивными парами эмотивных глаголов русского языка, имплицироваться может либо Экспериент, либо Каузатор.

Импликация семантической роли Каузатора в высказываниях с возвратными эмотивными глаголами *волноваться, тревожиться, беспокоиться*,

раздражаться, пугаться, страшиться, ужасаться и др. обусловлена 1) коммуникативно-прагматическим устройством высказывания, а именно: типом и характером имплицитной информации и фокусом внимания говорящего; 2) процессами семантической деривации.

Коммуникативно-прагматическое устройство высказывания предопределяет, во-первых, тип и характер имплицитной информации, наличие которой высвечивает роль говорящего / слушающего и невыраженность Каузатора в высказываниях с исследуемыми глаголами. В данном случае, это фоновые знания, под которыми понимается общий фонд знаний говорящего / слушающего, не связанный с конкретной ситуацией и не являющийся культурно обусловленным. Во-вторых, важной составляющей коммуникативно-прагматического устройства высказывания является фокус внимания говорящего, направленность которого может быть различной. Ср.: 1а. *Я женщина глупая, слабая, все (Каузатор) меня (Эксперидент) пугает, все.* (Данилевский. Беглые в Новороссии). 1б. *Я (Эксперидент) пугаюсь всего (Каузатор),* где в 1а в фокусе внимания говорящего находится Каузатор, в 1б — Эксперидент. Та или иная семантическая роль имплицитруется, если фокус внимания говорящего направлен: а) на саму эмоцию, обозначенную соответствующим глаголом; б) на следствие эмоции, а не на ее причину.

Рассмотрим пример, в котором имплицитная информация связана с фоновыми знаниями говорящего / слушающего. Например: *Кто зайдет к нам в подъезд — ужасается, стыдно и в гости кого пригласить* (из разг. речи). В семантической структуре данного высказывания присутствует подразумеваемый компонент ‘в подъездах обычно бывает грязно’, представляющий собой фоновые знания, которые при имплицитном Каузаторе позволяют правильно понимать данное высказывание.

Фоновые знания могут быть и культурно обусловленными. Например: *Иван Васильевич видит красную, пеструю, мокрую от крови спину татарина и ужасается* (Л. Н. Толстой. После бала.), где импликация Каузатора связана с представлением о жестокости телесных наказаний в Царской России.

В императивных высказываниях с отрицанием, а также в высказываниях с оператором *напрасно* пресуппозиция, в отличие от фоновых знаний, связана со знанием конкретной ситуации, в которую вовлечены говорящий и слушающий. Слушающему должна быть заранее известна и понятна причина эмоции, обозначенная глаголом. Такую пресуппозицию, вслед за Е.В. Падучевой, назовем прагматической (15, 58). Например: *Не тревожьтесь (не беспокойтесь, не волнуйтесь), все будет хорошо. Не злись (не раздражайся, не сердись)! Не ужасайся, только будь тверд и мужествен. Не пугайтесь, ради бога не пугайтесь!* — сказал он внятным и тихим голосом (Пушкин. Пиковая дама). *Ты напрасно удивляешься (поражаешься, страшишься)* (из разг. речи). В данных высказываниях пресуппозиционным компонентом является смысл ‘существуют (возникли) обстоятельства, которых (по поводу

которых) следует пугаться (злиться, удивляться, беспокоиться, волноваться, страшиться, ужасаться и т.д.)'. Приведенные примеры демонстрируют наличие общего фонда знаний говорящего/слушающего, который связан со знанием ситуации, о которой идет речь.

Семантическая роль Каузатора также может быть имплицирована, если в фокусе внимания говорящего находится не Каузатор, а сама эмоция, обозначенная возвратными глаголами. Например: *Волнуюсь, что ли? Но почему я волнуюсь, почему?* (Б.Васильев. Дом, который построил Дед). *Конечно, я представляю себе, как дети пугаются и как взрослые* (П. Крашенинников «Беседа со слушателями радиостанции «Эхо Москвы», Москва 2003–2004). *Я так люблю, когда вы пугаетесь* (Радзинский Э. Она в присутствии любви и смерти). *Порывается как в 20 лет, затеваете как в 18, страдаете как в 25, ужасаетесь как в 50; а в свою точку никогда не попадаете* (Анненков П.В. Письма к И.С. Тургеневу (1852 – 1874)).

В приведенных ниже высказываниях исследуемые предикаты входят в ряд однородных сказуемых либо двусоставных предложений, обозначающих быстро сменяющиеся или сосуществующие эмоциональные состояния. Например: *Голова её была полна мыслей, она думала о будущем, о сегодняшнем дне, о прошедшем, она млела, радовалась, стыдилась, тревожилась, тосковала, ужасалась* (В.Гроссман. Жизнь и судьба). Возвратные эмотивные глаголы могут включаться в ряд предикатов ментальных, физических, эмоциональных состояний. Например: *Он видел, он обонял, он осязал, он ужасался и восторгался* (Б.Стругацкий. Отягощенные злом, или 40 лет спустя). И гораздо реже, как показывает корпус проанализированных в данном исследовании примеров, они входят в ряд предикатов других семантических классов. Например: *Страдает из-за глупости, сыплет на себя куски горящих папирос, горит, пугается, тушится, проливает чай и чуть не плачет* (Э. Гернштейн. Мандельштам в Воронеже).

Импликация Каузатора наблюдается и при употреблении возвратных глаголов в однородном ряду с глаголами, обозначающими эмоциональное состояние, эмоциональное отношение, интеллектуальную деятельность, а также активное действие. Например: *Действительно, перед нами ... конкретная жизнь души, которая томится, радуется, печалится, негодует, ужасается, молится* (Б.М.Эйхенбаум Анна Ахматова). *Он перемещался по всему залу, вступал в разговоры и ужасался, надеялся, ахал — все запоминая* (Д.Быков. Орфография). *Зритель приходит в театр за переживаниями, он ужасается, плачет, смеётся — и тем самым лечится* (А.Архангельский. Тем временем. «Сельская новь», 2003.10.07).

Каузатор имплицруется также, если в фокусе внимания говорящего находится не причина данной эмоции, а её следствие. Например: *Когда пугаюсь, сильно кружится голова, руки становятся холодными* (из разг. речи). *Когда пугаюсь, то у меня отнимаются ноги и руки* (В.Железников. Чучело).

Когда человек тревожится, он все в квадрат возводит (Б.Васильев. Дом, который построил Дед). Кто искренне тревожится — молчит. Страдает и ищет путь (В. Дудинцев. Белые одежды). Когда я волнуюсь, мой русский становится плох (А.Ефремов. Любовь и доблесть Иохима Тишбейна // «Октябрь», 2002). Когда начинаю беспокоиться, плохо себя чувствую (из разг. речи).

В высказываниях с возвратными эмотивными глаголами русского языка Каузатор не эксплицируется и в случае употребления глагола в значении 'имитация эмоционального состояния'. Реализация этого значения возможна при введении определителей *понарошку, специально, на всякий случай, охотно, притворяться, разумеется*. Например: *Шутка в том, что воды никакой нет, а зритель — подсадка, разумеется, — сильно пугается, и если артист хороший на подсадке, то бывает очень смешно (И.Э.Кио. Иллюзии без иллюзий). Теперь же мы ужасаемся, или притворяемся, что ужасаемся, а сами, напротив, смакуем зрелище как любители ощущений сильных, эксцентрических, шевелящих нашу цинически-ленивую праздность...* (Ф. Достоевский. Братья Карамазовы), а также *Он притворяется, что беспокоится (волнуется, радуется, тревожится, раздражается, злится, возмущается, сердится, огорчается и т.д.)*. Реализация значения 'имитация эмоционального состояния' имеет место и в сложноподчиненных предложениях с придаточным цели. Например: *Он притворно сердится (волнуется, радуется, тревожится, раздражается, злится, возмущается, сердится, огорчается и т.д.), чтобы вызвать ответную реакцию. ... Сестра обязательно пугается (по-моему, специально, чтоб доставить нам удовольствие) ... (В. Некрасов. В окнах Сталинграда)*. Во всех приведенных примерах эмотивные глаголы получают значение целенаправленной деятельности.

Высказывания с имплицитным Экспериентом основаны на стереотипах культурного и социального сознания носителя языка. Например: 2а. *Цена на бензин (продукты первой необходимости) возмущает* (социальное сознание говорящего); 2б. *Одиночество страшит (пугает)* (культурное сознание говорящего); 2в. *Непознанное удивляет* (особенность сознания человека вообще). В примерах 2а — 2в Экспериентом одновременно является говорящий / пишущий, потенциальный слушатель / читатель. Это высказывания о мире и человеке, содержащие оценки, которые в той или иной степени, если не прямо, то косвенно, можно отнести к каждому. Говорящий оценивает некое явление, представляющее собой Каузатор. Глаголы *удивлять, возмущать, сердить, злить, смущать, страшить, пугать, ужасать* и др. употребляются здесь в значении 'интеллектуальная деятельность'. В высказываниях с имплицитным Экспериентом именная группа, заполняющая семантическую роль Каузатора-Содержания, становится особенно информативной.

Импликация семантической роли Эксперientа имеет место реже, чем импликация семантической роли Каузатора, и обусловлена фокусом внимания говорящего. При имплицитном Эксперiente в фокусе внимания говорящего находится семантическая роль Каузатора. В высказываниях с имплицитным Эксперientом Каузатор чаще всего представлен именем **социального (социально-экономического) явления** (3а. *Тревожит проблема детской безнадзорности* (Каждый второй ребенок нуждается // «Рыбак Приморья», 2003.01.30). *Беспокоит низкий уровень рождаемости. Высокие тарифы на электроэнергию страшат. Конкуренция (дефолт, приход холодов, инфляция, безработица) пугает (беспокоит, тревожит, волнует, поражает). Размер выплат (состояние лифтов, тотальная безграмотность, периодичность хождение транспорта) возмущает*. 3б. «... ужасает (возмущает, удивляет, поражает) санитарное состояние города» — сказал Г. Онищенко в среду петербургским журналистам (из телеинтервью); **именем категорий духовного, интеллектуального плана** (4а. *Радует художественный вкус переводчика-составителя и одновременно дизайнера...* (Новый подход к исследованию японской поэзии и ее переводу на русский язык «Проблемы Дальнего Востока», 2002.12.30). 4б. ... *мысль об одиночестве — чаще всего единственная форма протеста, доступная нам, когда все обмануло, больше ужасает, чем влечет* (Г.Герлинг-Грудзинский. Иной мир.), а также **эстетического** (5а. *Качество изображения (качество переводимых текстов, фотография, фильм) ужасает, возмущает, пугает, беспокоит, удивляет, поражает, изумляет, восхищает, тревожит, огорчает, радует*); **общественно-политического** (6а. *Статистика воистину ужасает: в центральной Африке зарегистрировано 30 миллионов случаев СПИДа* (С.Фрумкин. Молитва о войне // «Вестник США», 2003.08.06). *Анархия (распространение масштабов нетерпимости) страшит (пугает, беспокоит, тревожит, волнует, поражает)*), **психологического** планов (7а. *Неуспех (одиночество) страшит (пугает, ужасает)*).

Приведенные высказывания содержат фоновые знания, хорошо известные адресату сообщения и связанные с **нормами морали и нравственности** (8а. *Землетрясение в Пакистане — число жертв ужасает* (А.Старков. Пакистан стал болью всего мира), **с экономической и политической ситуацией** (9а. *Высокие урожаи удивляют*), **материальными и духовными ценностями** (10а. *Все новое страшит, так как нарушает равновесие мира* (Техника и будущее. О новой методологии прогноза развития техники). 10б. *Ужасает количество детей, лишенных родительского внимания и ласки, даже если родители живы* (Обитель Преподобного Саввы Сторожевского // «Журнал Московской патриархии», 2004.01.06)

Для данных высказываний не характерно расщепление семантической роли Каузатора. Ср: 11а. *Я* (Эксперient) *удивляюсь его спокойствию* (Каузатор) — *Он* (Виновник) *удивляет меня* (Эксперient) *своим*

спокойствием качество(Причина). 11б. *Идея свободы (правда)* (Каузатор) *страшит*. В 11б Каузатор *идея свободы (правда)* не требует вопроса *чем?*, так как ответ уже содержится в фоновых знаниях говорящего / слушающего. Имплицитным Экспериентом данных высказываний является не конкретное лицо, а человек вообще, так как информация, заключенная в Каузаторе, актуальна для любого лица.

Заключение

Импликация семантической роли Каузатора в высказываниях, содержащих эмотивные глаголы, как правило, обусловлена особенностями коммуникативно-прагматического устройства высказывания, то есть характером имплицитной информации и фокусом внимания говорящего, а также употреблением эмотивного глагола в значении 'имитация эмоционального состояния'.

Импликация семантической роли Экспериента связана со стереотипами культурного и социального сознания носителей языка. Она имеет место реже, чем импликация семантической роли Каузатора, и обусловлена фокусом внимания говорящего. При имплицитном Экспериенте в фокусе внимания говорящего находится семантическая роль Каузатора. В высказываниях с имплицитным Экспериентом Каузатор чаще всего представлен именем социального (социально-экономического) явления, именем категорий духовного, интеллектуального плана, эстетического, общественно-политического, психологического планов.

Как правило, импликация тех или иных актантов предполагает наличие фоновых знаний, хорошо известных как адресанту, так и адресату ситуации. Они связаны с категориями морали и нравственности, материальными и духовными ценностями, экономической и политической ситуацией в стране.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА

1. Арнольд И.В. Импликация как прием построения текста и предмет филологического изучения // Вопросы языкознания. — Москва, 1982. — №4. — С.83–92.
2. Багдасарян В.Х. Проблема имплицитного. — Ереван: Издательство АН Армянской ССР, 1983. — 137 с.
3. Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка. — М.: Издательство иностранной литературы, 1955. — 416 с.
4. Бондарко А.В. О стратификации семантики // Общее языкознание и теория грамматики: Материалы чтений, посвященных 90-летию со дня рождения С.Д. Кацнельсона. — СПб., 1998. — С.51 – 63. — URL: <http://www.philology.ru/linguistics1/bondarko-98.htm>
5. Вардудль И.Ф. К вопросу о явлении эллипсиса // Инвариантные синтаксические значения и структура предложения. Доклады на конференции по теоретическим проблемам синтаксиса: Сб. науч. тр. — М.: Наука, 1969. — С. 59–70.
6. Власова Н.С. К вопросу об имплицитности предложно-падежных сочетаний (на материале конструкций с предлогом *при*) // Филологические науки. — Москва, 1971. — № 1. — С.63–69.

7. Гумбольдт В. фон. О различии строения человеческих языков и его влиянии на духовное развитие человечества. — М.: Прогресс, 1984. — 397с.
8. Жарина О.А. Категория имплицитности как основа для формирования единиц дискурса и текста (на материале русского и английского языков). Автореф. дис. ... канд. филол. наук. — Ростов-на-Дону: Ростовский государственный педагогический университет, 2006. — 24 с.
9. Звегинцев В.А. Предложение и его отношение к языку и речи. — М.: Издательство МГУ, 1976. — 307 с.
10. Земская Е.А. Русская разговорная речь: лингвистический анализ и проблемы обучения — М.: Русский язык, 1979. — 239 с.
11. Земская Е.А., Китайгородская М.В., Ширяев Е.Н. Русская разговорная речь. Общие вопросы. Словообразование. Синтаксис. — М.: Наука, 1981. — 275 с.
12. Карцевский С.О. Об асимметричном дуализме лингвистического знака // Введение в языковедение. — М.: Аспект Пресс, 2000. — С. 76–81.
13. Медынская В.Л. Об имплицитных структурах, выражающих некоторые синтаксические категории в русском языке // Филологические науки. — Москва, 1971. — № 3. — С.38 – 45.
14. Наумова Л.А. Пресуппозиция в логике и лингвистике // Философия: в поисках онтологии: Сб. науч. тр. Самарской гуманитарной академии. — Самара: Изд-во СаГа, 1998. Вып.5. — С. 236–255.
15. Падучева Е.В. Высказывание и его соотносительность с действительностью. — М.: Наука, 1985. — 271 с.
16. Падучева Е.В. Семантические исследования. — М.: Языки русской литературы, 1996. — 463 с.
17. Падучева Е.В. Парадигма регулярной многозначности глаголов звука // Вопросы языкознания. — Москва, 1998. — № 5. — С. 3–23.
18. Пауль Г. Принципы истории языка. — М.: Иностранная литература, 1960. — 499 с.
19. Плеухина Э.Н. Импликативные тенденции в синтаксисе английской разговорной речи // Теория и практика лингвистического описания разговорной речи. Межвузовский сборник научных трудов — Горький: Горьковский педагогический институт иностранных языков, 1984. — С. 109–115.
20. Сковородников А.А. О критерии эллиптичности в русском синтаксисе // Вопросы языкознания. — Москва, 1973. — №3. — С.114–123.
21. Старикова Е.Н. Имплицитная предикативность в современном английском языке. — Киев: Вища школа, 1974. — 139 с.
22. Хоанг Фэ. Семантика высказывания // Новое в зарубежной лингвистике. Лингвистическая прагматика // Сб. науч. тр. — М.: Прогресс, 1985. — вып 16. — С. 399–405.

REFERENCES

1. Arnol'd I.V. *Voprosy yazykoznaniya*, Moscow, 1982, No 4, pp. 83-92.
2. Bagdasaryan V.H. *Problema implicitnogo* (The problem of implicit), Erevan: Izdatel'stvo AN Armyanskoy SSR, 1983, 137 p.
3. Balli SH. *Obshchaya lingvistika i voprosy francuzskogo yazyka* (General linguistics and French language issues), Moscow: Izdatel'stvo inostrannoy literatury, 1955, 416 p.
4. Bondarko A.V. *Obshchee yazykoznanie i teoriya grammatiki: Materialy chtenij, posvyashchennyh 90-letiyu so dnya rozhdeniya S.D. Kacnel'sona* (General linguistics and grammar theory Proceedings of the Conference, dedicated to the 90th anniversary of the birth of

- S. D. Katznelson), Saint-Petersburg, 1998, pp. 51-63, available at: <http://www.philology.ru/linguistics1/bondarko-98.htm>
5. Vardul' I.F. *Doklady na konferencii po teoreticheskim problemam sintaksisa* (Proceedings of the Conference on theoretical problems of syntax), Moscow: Nauka, 1969, pp. 59-70.
6. Vlasova N.S. *Filologicheskie nauki*, Moscow, 1971, No 1, pp.63-69.
7. Gumbol'dt V. fon. *O razlichii stroeniya chelovecheskih yazykov i ego vliyanii na duhovnoe razvitie chelovechestva* (On the difference in the structure of human languages and its influence on the spiritual development of mankind), Moscow: Progress, 1984, 397 p.
8. Zharina O.A. *Kategoriya implicitnosti kak osnova dlya formirovaniya edinic diskursa i teksta (na materiale russkogo i anglijskogo yazykov)* (Category of implicitness as a basis for the formation of discourse and text units), extended abstract of candidate's thesis, Rostov-na-Donu: Rostovskij gosudarstvennyj pedagogicheskij universitet, 2006, 24 p.
9. Zvegincev V.A. *Predlozhenie i ego otnoshenie k yazyku i rechi* (Sentence and its relation to language and speech), Moscow: Izdatel'stvo MGU, 1976, 307 p.
10. Zemskaya E.A. *Russkaya razgovornaya rech': lingvisticheskij analiz i problemy obucheniya* (Russian colloquial speech. General issue. Word-formation. Syntax), Moscow: Russkij yazyk, 1979, 239 p.
11. Zemskaya E.A., Kitajgorodskaya M.V., SHiryaev E.N. *Russkaya razgovornaya rech'. Obshchie voprosy. Slovoobrazovanie. Sintaksis* (Russian colloquial speech. General issue. Word-formation. Syntax), Moscow: Nauka, 1981, 275 p.
12. Karcevskij S.O. *Vvedenie v yazykovedenie* (Introduction to linguistics), Moscow: Aspekt Press, 2000, pp. 76-81.
13. Medynskaya V.L. *Filologicheskie nauki*, Moscow, 1971, No 3, pp.38-45.
14. Naumova L.A. *Filosofiya: v poiskah ontologii* (Philosophy: in search of ontology), Samara: Izd-vo SaGa, 1998, Ussue 5, pp. 236-255.
15. Paducheva E.V. *Vyskazyvanie i ego sootnesennost's dejstvitel'nost'yu* (Statement and its correlation with reality), Moscow: Nauka, 1985, 271 p.
16. Paducheva E.V. *Semanticheskie issledovaniya* (Semantic research), Moscow: Yazyki russkoj literatury, 1996, 463 p.
17. Paducheva E.V. *Voprosy yazykoznaniya*, Moscow, 1998, No. 5, pp. 3-23.
18. Paul' G. *Principy istorii yazyka* (Principles of language history), Moscow: Inostrannaya literatura, 1960, 499 p.
19. Pleuhina E.N. *Teoriya i praktika lingvisticheskogo opisaniya razgovornoj rechi. Mezhvuzovskij sbornik nauchnyh trudov* (Theory and practice of linguistic description of spoken language), Gor'kij: Gor'kovskij pedagogicheskij institut inostrannyh yazykov, 1984, pp. 109-115.
20. Skovorodnikov A.A. *Voprosy yazykoznaniya*, Moskva, 1973, No. 3, pp.114-123.
21. Starikova E.N. *Implicitnaya predikativnost' v sovremennom anglijskom yazyke* (Implicit predicativity in modern English), Kiev: Vishcha shkola, 1974, 139 p.
22. Hoang Fe. *Novoe v zarubezhnoj lingvistike. Lingvisticheskaya pragmatika* (New in foreign linguistics. Linguistic pragmatics), Moscow: Progress, 1985, Ussue 16, pp. 399-405.